

Охранительные экспансии: государственное регулирование и институциональная идентичность публичной и частной сфер

Статья рассматривает процессы интервенции государства в частную сферу. Подобные экспансии интерпретируются как деструктивные и стирающие водораздел между частным и публичным, который является ключевым для функционирования современных обществ. В противовес данным интерпретациям, в статье выдвигается тезис о том, что экспансия государства не только не ограничивает возможности индивидов к реализации частных стратегий, но и прямо способствует сохранению институциональной автономии индивида. Индивидуализация сообщества является стратегией, направленной на контроль над групповыми субъектами, способными к доминированию в частной сфере.

Ключевые слова: государство; индивид; фракция; корпорация; автономия воли; государственное регулирование; государственная интервенция.

Принципиальное различие между частной и публичной сферами мыслится принципиальной характеристикой современного общества (см. напр.: [5, р. 34–38]) и задает своего рода импринт, который настойчиво воспроизводится различными сегментами и функциональными системами общества, включая, но не ограничиваясь водоразделом между политической сферой и экономикой, гражданской и семейной сферами. Сегодня нормативность данного различия и его релевантность для современной общественно-политической системы, институционально воплощенной прежде всего институтами суверенной национальной государственности, многократно оспариваются в отношении самых различных сегментов общественной жизни.

Структурная композиция суверенного государства санкционирует согласованную связность политического сообщества и власт-

* **Наталья Владимировна Панкевич**, канд. полит. наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

ного аппарата, устанавливая между ними строгую систему взаимных принуждений без возможности уклонения от взаимодействия. Этот эффект является прямым последствием парцеллизации физического пространства и его окончательного распределения между суверенными юрисдикциями. Результатом этого пространственного определения становится возможность охватывающего внутренний домен единства, в котором достигается предельное совмещение полей, где разворачивается рутинная жизнедеятельность и управление. Момент выграниченности на фоне окружающего мира при невозможности исхода или переключения на других корреспондентов производит беспрецедентное сгущение социальных и политических взаимодействий внутри политики, обеспечивает высокую степень близости и зависимости членов общности друг от друга, безотносительно их частных статусов. В этих условиях интенсивность взаимодействия сообщества и властного аппарата, представляющихся в рамках господствующей теории о публичном и частном полюсами взаимодействия, многократно усиливается и представляет собой, по выражению М. Манна, взаимодействие «в клетке» [6, р. 61].

Прямым следствием существования политики в форме охватывающего единства является одновременно и возникновение необходимости, и усиление возможностей в ведении властного аппарата для осуществления масштабных интервенций в частную сферу, которая обычно осмысливается в качестве домена, предназначенного для спонтанной и конкурентной реализации индивидами собственных стратегий. В ходе исторического развития происходит постоянное размывание ее институциональной и ценностной идентичности, осуществляется ее планомерная социализация и подчинение приоритетам общего блага.

Данный процесс, хотя именно этот аспект экспансии государственного вмешательства в сферу частной автономии и привлекает обычно наибольшее внимание, затрагивает отнюдь не только производственную сферу, в отношении которой существует жесткая презумпция локализации в области частного в силу доминирования модели рыночной и, следовательно, подвижной частным интересом и саморегулируемой экономики. С ростом влияния кейнсианских представлений о регулирующей роли государства в экономике, XX век стал свидетелем того, как «*иллюзия разделения между политикой и экономикой – запоздалое наследие эпохи *laissez-faire* XIX века – перестала корреспондировать с любым из аспектов текущей ситуации*» [3, р. 117]. Данные процессы развивались параллельно с масштабными попытками переноса экономического комплекса под эгиду государства в системах социалистической ориентации.

Процессы экспансии публичного в производстве сопровождались не менее значимыми по последствиям внедрениями, связанными с усилением контроля правительственного аппарата над содержанием контрактных обязательств – области, в отношении которой также существует нормативное ожидание превращения свободы воли и баланса интересов сторон. Наиболее значимую в смысле демографического охвата трансформацию претерпела на этом пути сфера трудовых отношений, где государство становится третьей, невидимой, но обязующей стороной договора, гарантирующей социально приемлемые условия трудового найма (в т. ч. минимальный размер вознаграждения за труд, необходимость обязательного страхования, требования к безопасности на производстве, возраст индивида, достаточный для вступления на рынок труда, необходимость коллективных соглашений об условиях труда и т. д.) [1, гл. VI].

Историческую трансформацию в направлении социализации претерпевает также система разрешения споров, что уводит ее весьма далеко от представления о том, что судебный процесс (в том числе и собственно гражданский) является процедурой разрешения конфликтов лишь между автономными субъектами. С определенного момента государство присваивает функцию «двойника» пострадавшей стороны, что, с одной стороны, как это справедливо показывает М. Фуко, позволяет запустить механизм штрафов и конфискации в пользу властного центра [2, с. 87–89]. С другой стороны, данное действие подчиняет решение спора приоритетам согласованного законодательства в противовес обстоятельствам случайного характера, среди которых возникают различия в социальной позиции тяжущихся сторон, их укорененность и вес в той или иной местной социальной системе, доступ к финансовым и силовым ресурсам, экспертной поддержке и т. д.

Не менее драматические изменения происходят в области регулирования семейных отношений – традиционного оплота собственно частной жизни. Инъекция публичных интересов в область частного определения производится по широкому фронту от внедрения программ демографической политики (равно как поощряющих рождаемость, так и ограничивающих ее) до контроля над реализацией в семье прав несовершеннолетних, которые сопровождаются развитием различного рода принудительных структур – опеки, ювенальной юстиции, социальных служб, школьного образования и внешкольного присмотра.

Приведенный список ни в коей мере не претендует на полноту и легко может быть дополнен примерами из самых различных областей (жилищная, языковая политика и т. д.). Наша задача здесь – указать на принципиальную черту, которая характеризует образ

действия государства в планомерной социализации частной сферы и ее субординации по отношению к регуляторам и нормам публичного генезиса. Во-первых, экспансия государства возникает как реакция на запрос в регулировании, производимый в частной сфере, требующей привнесения в нее элементов публичности. Дискуссии о де/криминализации семейного насилия, признании браков и вытекающих из них правовых последствий в области алиментных отношений, наследования, налогообложения для меньшинств, регулировании использования языка в межличностных коммуникациях прямо свидетельствуют о том, что значимые сегменты собственно частной сферы отнюдь не стремятся к сохранению приватности в первозданной чистоте, но, напротив, вполне определенно заявляют о необходимости приобретения публичных статусов. Во-вторых, реализуя интервенции в область частного, государство выступает в качестве двойника стороны, находящейся в ущемленной позиции, и, таким образом, восполняет ее недостаточную способность к полноценной самостоятельной защите собственных интересов, оптимизации баланса прав и рисков в свою пользу или социальному действию в принципе (как в случае представительства от лица нерожденных детей или несовершеннолетних и недееспособных граждан, но также и в трудовых и иных отношениях).

В этой точке мы подходим к ключевому моменту в понимании социальной природы различия между публичным и частным. Если действие государства как центра общей воли компенсирует объективную слабость индивида, то какая опасность порождает необходимость подобного действия?

Центр тяжести в понимании частной сферы базируется сегодня на идее о том, что она выполняется конкурентными стратегиями автономных индивидов, теоретически способными уничтожить общественную ткань: неконтролируемая и спонтанная активность в состоянии спровоцировать разрушительную гоббсовскую «войну всех против всех». В этом смысле появление публичной сферы мыслится как результат депривации индивидов и перемещение функции структурирования насилия в центр политики под контроль властного аппарата. В этом случае государство логически становится в оппозицию к индивиду, позволяя избежать ужасов и неудобств естественного состояния.

Однако историческое становление института суверенного государства наследовало отнюдь не естественному состоянию, где каждый иконически «имеет право на все». Публичная сфера как локус, в котором интерес сообщества как единство индивидуальных волей артикулируется и получает возможность преобразоваться в управленческие решения и правовые нормативы, выкраивалась из сложного переплетения балансов корпоративных договореннос-

тей, где роль конституирующего элемента играл отнюдь не индивид, но группа, занимающая твердую, как правило монопольную позицию в производственной структуре, а также обладающая закрепленным правом и традицией социальным статусом, открывающим доступ к определенной доле ресурсов, циркулирующих в сообществе, – привилегией. Подобная композиция общества ведет к тотальному отрицанию возможности существования политического организма в форме охватывающего единства. Именно эту опасность имел в виду А. Гамильтон, когда писал о разрушительной роли фракций [4]. Но также она отрицает и возможность композиции частной сферы как сферы индивидуальной свободы.

Естественной стратегией властного аппарата в сохранении данного институционального определения является игра на стороне индивида и против организованного (привилегированного) меньшинства. В этом случае государственное вмешательство, которое рассматривается в контексте эрозии частной сферы, напротив, служит эффективному ее функционированию. И, следовательно, подобная интервенция может иметь своим последствием не разрушение, но, напротив, сохранение сущностного различия между частной сферой и публичной.

Литература

1. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. – СПб. : Алетейя, 2009.
2. Фуко М. Истина и правовые установления // Фуко М. Интеллектуалы и власть. – Ч. 2. – М. : Праксис, 2005.
3. Carr E. H. The Twenty Year's Crisis 1919–1939. – London : Macmillan, 1981.
4. Hamilton A. The Union as a Safeguard Against Domestic Faction and Insurrection. – URL: <https://www.congress.gov/resources/display/content/The%20Federalist%20Papers#TheFederalistPapers-9>
5. Lacher H. Beyond Globalization: Capitalism, Territoriality and International Relations of Modernity. – Routledge, 2007.
6. Mann M. Sources of Social Power. Vol. 2: The Rise of Classes and Nation-States, 1760–1914. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993.

Л. И. Насонова*, Л. И. Лазебный**

Экспансия приватности в публичную сферу: эволюция или диффузия?

Основная тема: рассмотрение приватности не как исключительно правовой, но как общесоциальной категории, содержание которой имеет множество аспектов, в том числе соотношение с собственной социальной оппозицией – публичностью. Данное соотношение представляется той сферой, где происходит эволюция приватности в ряде социальных феноменов.

Ключевые слова: эволюция приватности; взаимосвязь и взаимопроникновение приватного и публичного.

Понятия приватности и публичности сформировались в свое время в сфере права; их содержание задавалось постоянно меняющимся в истории соотношением меры активности общества в целом и его институтов, с одной стороны, и меры возможности свободы деятельности отдельного, частного человека в его индивидуальности и в его субъективности – с другой. Исторически феномены приватности и публичности формировали индивидуальное и общественное сознание. Если обратиться к феномену публичности, то можно обнаружить некоторую противоречивость в его понимании. С одной стороны, сфера публичности открыта для интерпретации, содержание ее можно истолковывать как угодно: общество, сферы общества, социальная среда и т. п. С другой стороны, публичность, эксплицированность социальности в целом ряде исторически устойчивых институтов показывает нам публичность как несомненно необходимую, совершенно определенную и ясную открытость и активность социальной жизни в области политики и права, например, служащую фундаментом легитимности.

Однако эволюция общественной жизни меняет не только содержание понятий, но и природу реальных явлений. Феномен публичности, поначалу носивший политико-правовой характер и явно проявлявшийся в различных цивилизациях в адекватных им формах, получает выражение во все более разнообразных, возникающих в

* Людмила Ивановна Насонова, д-р филос. наук, профессор, профессор Московской академии Следственного комитета РФ (г. Москва).

** Леонид Иванович Лазебный, д-р филос. наук, профессор, профессор Российского государственного социального университета (г. Москва).